



ЧЕЛОВЕК КАК СУБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

*Маджидова Раъно,
доцент УзГУМЯ*

Ключевые слова: антропология, антропоцентризм, антропоморфичность, пространство и время, аксиология, объективность, субъективность.

Познание мира может осуществляться только в присущих человеку формах, так как языковая картина мира – это мир, увиденный глазами человека, представленный его способами осмысления, выраженный его естественным языком. Вот поэтому языковую картину мира надо изучать в непосредственной связи с сознанием, мышлением, духовно-практической деятельностью человека, который является субъектом языковой картины мира.

Раскрытие проблемы человеческого фактора в языке требует прежде всего уточнения того, какие свойства человека характерны для языка и языковой картины мира как для творений человека.

Антропологическая лингвистика изучает сущностные свойства человека, в связи с этим, нам кажется уместным привести следующее высказывание известного французского лингвиста Э.Бенвениста: “Невозможно вообразить человека без языка и изобретающего себе язык... В мире существует только человек с языком, человек, говорящий с другим человеком, и язык, таким образом, непременно принадлежит самому определению человека” [Бенвенист 1974, 293].

По справедливому замечанию Г.В.Лейбница, одного из представителей лингвистической логики: “Язык есть конститутивная характеристика человека, “зеркало разума”, “толмач разума”. Эта мысль развивается далее, как человек – это “кладезь понятий разума, ...носитель определенного национального характера” [Г.В.Лейбниц]. Впервые эта теоретическая идея была сформулирована в лингвофилософской концепции В.Гумбольдта, в которой силой, делающей человека человеком, признается язык

[Гумбольдт 1984, 55] и “человек становится человеком только через язык” [там же, 349], в котором действует весь творческий потенциал человека, его глубинные возможности.

На основе выше приведенных высказываний ученых можно констатировать, что язык является сущностной характеристикой человека, важно в аспекте исследуемой проблемы то, что именно это основное свойство, выступающее как средство, орудие, позволяет говорить о человеке как субъекте языковой картины мира, дает человеку возможность выразить “свое отношение к предметному и не предметному миру, природе ... запечатлеть себя в именах природных объектов, внеся в них утилитарную и этническую оценку” [Арутюнова 1999, 3]. Также можно сказать, что язык характеризуется явно выраженной ориентацией на самого человека.

Языковая интерпретация этого универсального свойства находит отражение, прежде всего, в антропоморфизме, в сравнении предметов, явлений живой и неживой природы человеку, наделении их человеческими качествами.

Анализируемый материал показывает, что антропоцентризм не в одинаковой мере проявляется в разных лингвокультурах.

Антропоморфные регулярные метафорические переносы человек – животный мир, человек – растительный мир, которые широко представлены в узбекской языковой картине мира, например: человек – животный мир – *бўтақўз* – (досл.: верблюжий глаз), *бўрикалла* – *сортдыни* (досл.: голова волка), *лочин* – “сокол” (о смелом, целеустремленном человеке),



мусичаибезор – зоол. “вид птицы” (о спокойном, безвредном человеке), *қалдирғоч* – ласточка (имя девушек), *хон қизи* – зоол. божья коровка (досл.: насекомое господина (хана); человек – растительный мир – *Хусайни узум* – сорт винограда “дамские пальчики” (досл.: виноград Хусейна; *Абдулла қовун* – сорт дыни (досл.: дыня Абдуллы); *нилуфар* – имя девушки к – вид цветка (досл.: нил – мовий (голубое небо), уфар – устремленный, растущий – досл.: цветок растущий к голубому небо; (ср: нерегулярный для русского языка перенос человек – растение: *дамские пальчики* для обозначения сорта винограда, “*мать-и-мачеха*” для обозначения многолетнего растения, “*анютины глазки*” для обозначения цветка).

Антропоморфичность в узбекской и русской языковых картинах мира наиболее ярко проявляется в пространственной модели мира в восприятии и языковой экспликации человеком окружающего его пространства. Во многих языках при номинации пространственных представлений для обозначения местоположения, направления используются наименования частей тела человека (соматизмы) – узб.: *тоғнинг тепаси* – макушка горы, *тоғнинг елкаси* – горный хребет, *ўнг қўлда* – поправую руку, *chap қўлда* – по левую руку, *тоғнинг этаги* – *подножие горы* и т.д.

Языковая трактовка пространственных реалий также осуществляется с позиций человека. Человек воспринимает пространство относительно самого себя, стремится отразить себя в названиях пространственных объектов. В формировании пространственной модели мира человек использует наименования почти всех частей своего тела. Это лексико-семантическая группа как средство номинации пространственных реалий наиболее полно представлена в узбекском языке. Например, в восприятии узбекского народа модель “верх-низ” связана с вертикальной, а модель “начало-конец” – с горизонтальной позой человека, соответственно с его головой и ногами:

бош “голова” – верх, верхняя часть – привертикальной ориентации (тоғнинг боши – “вершина головы”; досл.: голова горы) и начало, верхняя часть – при горизонтальной ориентации (*эл (юрт) боши* “начало (верхняя часть) народа. досл.: голова народа); *оёқ* “нога” – низ, нижняя часть (*сувнинг оёғи* “нижняя часть, последняя часть воды” (досл.: нога воды) и конец (сўзимнинг оёғида (диалект.) – “в завершении” (досл.: в ногах моих слов). Срединную часть пространственной ориентации символизирует бел “поясница, талия” (*тоғнинг белида* – “в средней части горы” (досл.: в поясе горы). Представляется, что в таких метафорических номинациях, как *дарёнинг, сувнинг бўйни, бўйи* – “берег реки” (досл.: шея реки), *куннинг бети* “солнечная сторона” (лексема *бет* “лицо” использована в пространственном значении “сторона”), *горнинг огзи* – “ротущелья” (*огиз* “рот” – в значении “ущелье”), *у бетда, бу бетда* – “на том склоне” (досл.: на той щеке, на том лице).

Сувнинг, ариқнинг, дарёнинг лаби – русск.: губы воды, арыка, реки. На наш взгляд именно здесь проявляется активность этнического сознания, его “конструирующая”, “рассуждающая” способность при интерпретации результатов когнитивной деятельности.

Черты человеческой субъективности, извечное стремление человека сохранить, увековечить себя, свой род, племя в названиях пространственных объектов, наиболее полно отражают и топонимы.

Во временной модели мира человек отразил историю развития этнических сообществ и человечества в целом, традиции, культуру, нормы поведения, отношение к жизненным ценностям, которые особенно ярко проявляются во фразеологической модели мира, например, в узбекском языке: *кўзи очиклигида* (при жизни), *Алмисоқдан қолган* – (с давних времен), *етти авлодига етади* – (до седьмого поколения хватит); *бир умрга, ҳаёти давомида* (на всю жизнь); *туянинг думи ерга текканда* (никогда), *ўла ўлгунча* (пожизненно, навечно); *бўрини йўқласанг*



қулоғи кўринади (про волка речь, а волк навстречь) и т.д. В русском языке: во времена оны (устарел., некогда, когда-то, очень давно), время не ждет (необходимо срочно, немедленно действовать), во цвете лет (в молодые годы, в пору расцвета физических и духовных сил), при царе Горохе (в очень отдаленные незапамятные времена), детское время (не очень поздно, еще не пора ложиться спать), в самой поре (в полном расцвете сил), сколько лет, сколько зим! (Как давно! восклицание при встрече), на склоне лет (в глубокой старости), много (многие) лета (устар. пожелание долголетней жизни), мафусаиловы лета (года) прожить (очень долго, о долголетьи кого-либо), с годами (с течением времени), испокон веков (издавна, с незапамятных времен).

Языковые данные также свидетельствуют о том, что как в пространственной, так и во временной модели мира человек использовал в номинациях соответствующих категорий в целом одни и те же семантические мотивировки, одни и те же принципы называния, которые обусловлены единством основных параметров и характеристик пространства и времени (начало, конец, предельность, протяженность, дальность, близость и др.).

Антропоцентризм временной модели мира обнаруживается прежде всего в том, что “время – и универсальная и коллективная, и индивидуальная ценность, качественный параметр, вносящий свой вклад в организацию всех других ценностей¹ [Рябцева 1996, 94]. Небезынтересно в этой связи отметить, что самое дорогое, ценное для себя жизнь человек определяет через понятие времени. Поскольку жизнь – это время, отпущенное человеку от рождения до смерти, то неудивительно, что индивид и социум небезразличны к тому, чем оно заполнено: полезными делами или тратиться впустую.

В многочисленных пословицах, поговорках и идиоматических выражениях время, проведенное в полезном труде, в поте лица, поощряется: в узбекском языке: манглай тери билан

яшамоқ (жить своим трудом), қўли қимирлаганнинг оғзи ҳам қимирлайди (досл.: у кого руки работают, у того и рот работает, т.е. добудет себе пропитание), эрта турганнинг оти қулун туғибди (досл.: кто рано встает, у него жеребец жеребится); в русском языке: кто рано встает, тому бог дает; делу – время, потехе – час; весенний день год кормит; не тот хорош, кто лицом пригож, а тот хорош, кто для дела гош; праздное время препровождение осуждается: бекорчидан худо безор– (бездельник), ишламаган тишламас (вариант.: кто не работает, тот не ест); ўроқда йўқ, машоқда йўқ – хирмонда ҳозир (вариант.: в еде – волк, в работе – мертвец); кто зевает, тот воду хлебает; труд человека кормит, а лень – портит; с лодырем повидаться – горя наберешься; долог день до вечера, коли делать нечего или умен и пригож, а на дело не гош).

Языковые данные свидетельствуют также о том, что народ, чья жизнь была в полной зависимости от активного труда в определенное время года, не мог вольно обращаться со временем. Поэтому выполнение дела в срок, вовремя – наиболее поощряемая, а привычка откладывать все назавтра – наиболее порицаемая этническими сообществами норма поведения: бугунги ишни эртага қўйма, ишни бошладингми, охирига етказ (досл.: сегодняшнее дело не откладывай в долгий ящик, плохое дело не начинай (ни в какой срок); қолган ишга қор ёғар (отсроченное дело волк съест), не откладывая на завтра, то что можно сделать сегодня и другие.

Медлительность, выполнение дела в течение долгого времени, как и поспешность, – антиценности для этноса. Эти значения, относящиеся к полюсам, крайностям, весьма богато представлены на различных языковых уровнях: шошган қиз эрга ёлчимас (досл., торопливая девушка без мужа останется), кўз очиб юмгунча (быстро, поспешно, досл.: будто ветром снесло), шошган икки марта тўлар. (поспешишь – людей насмешишь), олма



пиш, озгимга туш, деб ётма (много будешь лежать, придется догонять, то есть упустишь время). “Золотая середина”, занимающая ведущее место в шкале ценностей народов, остается практически не отраженной в языке: *сабр таги сариқ олтин* (терпение (неторопливость) ценится как чистое золото).

В приведенных примерах события оцениваются субъектом, на основании принципа хорошо-плохо, приемлемо – недопустимо, то есть с точки зрения их соответствия норме, установленной человеком.

Итак, анализ языковых единиц, связанных с пространством и временем с точки зрения того, что привносит человек как субъект в образ мира, позволяет сделать следующий общий вывод: если в пространственных номинациях человек запечатлел в целом себя, свой внешний вид, уподобил себе конкретные пространственные реалии, то в обозначениях времени он отразил свое активное ценностно-ориентированное отношение к миру, к жизни.

Следует заметить, что человек не только отражает, объясняет мир, но и оценивает его. Пространственно-временная модель мира оказывается вовлеченным в личностную сферу человека. Но чтобы оценить мир или отдельный его фрагмент, по словам Н.Д. Арутюновой, “человек должен пропустить его через себя” [Арутюнова 1999, 181], поэтому создаваемая субъектом модель мира включает в себя не только когнитивные, связанные с познавательной

деятельностью компоненты, но и аксиологические, то есть опирающиеся на принцип ценностной ориентации.

Таким образом, оценка обусловлена самой природой человека, поэтому определение понятия оценки, а также выявление способов выражения оценочного отношения человека к миру и самому себе существенны в связи с проблемой интерпретации образа человека в языковой картине мира.

Оценка является субъективным выражением значимости предметов и явлений окружающего мира для нашей жизни и деятельности, оценка – это умственный акт, в результате которого отношение субъекта к оцениваемому объекту с целью определения его значения для жизни и деятельности субъекта. Поэтому оценка – это неотъемлемая часть процесса познания, тесно связанный с практической деятельностью человека.

Анализ материала доказывает, что в пространственной модели мира, в номинациях пространства и пространственных реалий наиболее ярко выражены сенсорные и рационалистические оценки, что позволяет в целом говорить о гносеологическом характере антропоцентризма данной картины мира, тогда как во временной модели мира в языковых единицах, номинирующих время, особенно, отчетливо представлены обоснованные и целесообразные языковые единицы, исходя из чего антропоцентризм временной модели мира можно охарактеризовать как аксиологический.

Литература:

1. Рябцева Н.К. Аксиологические модели времени / Логический анализ языка. Язык и время. – М.: Наука, 1996, 94 с.
2. Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка: учеб. пособие / Н.Ф. Алефиренко. – М.: Флинта: Наука, 2010. – 288 с.
3. Основы антрополингвистики: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / С.В. Гринев-Гриневич, Э.А. Сорокина, Т.Г. Скопюк. – М.: Издательский центр “Академия”, 2008. – 128 с.
4. Когнитивная лингвистика / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. – 314 с.



Маджидова Р. Инсон тилишунослик тадқиқоти субъекти сифатида. Мақолада ўзбек ва рус лисоний олам манзараларининг атропоморфлиги масаласи ўрганилади. Оламнинг маконий ва замонавий моделларининг лисоний талқинлари таҳлил қилинади.

Madjidova R. Human as a subject of linguistics researches. The article concerns the problems of anthropocentrism in the Uzbek and Russian linguistic world pictures; linguistic interpretation of space and time models of the world.
